

Глава 13. Часть двенадцатая, в которой молодой господин Цзя гадают на песчаном подносе и обретает названного отца

Как уже рассказывалось, в Жунфу согласились призвать духов, дабы прозреть судьбу Цзя Чжу. На следующий же день Цзя Чжэн отправился со своей визитной карточкой в усадьбу Линь, чтобы просить даоса Ванчэня совершить гадание на песчаном подносе. Условились провести обряд через три дня.

В назначенный срок собралось немало любопытных: всем не терпелось увидеть, явит ли оракул свою силу. Среди прибывших родственников были домочадцы господина Линя, Шао Инлинь и Су Цзэцзинь, прихватившие с собой юного Шао Цзюня, а также глава клана Цзя Цзин, который сопровождал мужчин обоих поместий. Матушка Цзя предводительствовала женской половиной двух семейств.

Помимо родственников двух домов, представители знатных семей, тесно связанных с ними, также пришли на церемонию. Среди них были домочадцы Ли Шоучжуна, которые поддерживали тесные связи с домом Цзя. Поскольку гадание касалось Цзя Чжу, а он был объектом их брачного союза, они были крайне обеспокоены его судьбой и поэтому также прислали своих людей для наблюдения за церемонией.

«Чем больше свидетелей, тем громче разнесётся весть, — Цзя Чжу мысленно торжествовал. — Стоит слуху о моей злосчастной доле разлететься по всему Шэньцзину, ни одна почтенная семья близко дочь ко мне не подпустит»

Поскольку обряд почитания духов требовал благоговения, все облачились в торжественные одежды. Чтобы разместить множество гостей, выбрали просторный Павильон Восхождения к Бессмертным, высившийся на территории Нинфу. По приказу Цзя Цзина верхние залы привели в порядок и застелили коврами.

Помимо совершавшего таинство Ванчэня и вопрошавшего судьбу Цзя Чжу, присутствующих разделили на две половины. Мужчины заняли центральный зал, где стоял алтарь, а женщины расположились в боковом покое. Их отделяла узорчатая ширма, сквозь которую, впрочем, прекрасно доносился каждый шорох. Гости заполнили восточное и западное крылья, поднявшись на самый верх павильона.

Собрались спозаранку, поэтому завтракали вместе в Нинфу. Обряд требовал воздержания от мясного, так что гостям подали изысканные постные кушанья. Закончив с трапезой, Цзя Цзин лично поднялся наверх проверить приготовления, после чего пригласил почтенных гостей занять свои места.

В самом центре главного зала, открытого ветрам из двух окон, высился алтарь. На нём выстроились чаши с вином из ста цветов, курился фимиам, призывающий небожителей. Посредине покоился глубокий поднос, засыпанный чистым речным песком, на котором лежал священный оракул — деревянное сито с писчим шестом.

Обряд начал входить в силу. Гости замерли на своих местах, блюдя строгий этикет. Облачение Ванчэня — расшитое даосское одеяние и нефритовый венец — соответствовало строжайшим канонам. Накануне он нарочно съездил за город, в Храм Юаньтун, чтобы отобрать двух послушников, коим надлежало держать оракул.

Ванчэнь склонился перед алтарём в безмолвной молитве. Один за другим он предал огню талисманы Девяти Светил, Сокровенного Духа и Освящения Фимиама. Совершив девять земных поклонов, он велел отрокам взяться за оракул.

Какое-то время царила мёртвая тишина. Даос поклонился вновь и сжёг талисман Призыва Духов. Тотчас оракул дрогнул. Рука одного из мальчиков дернулась, деревянное сито заскользило по подносу, вычерчивая круги на песке. Оно замерло на мгновение, а затем вновь пришло в движение, выписывая черту за чертой, пока не проступили четыре знака.

Цзя Чжэн с затаённым дыханием следил за каждым движением писчего шеста. Знаки на песке складывались в древнее письмо. Ванчэнь быстро занёс их на бумагу: «Тайшан Юйчэнь» — Высочайшее Нефритовое Утро.

В толпе пронёсся удивлённый шёпот. Писчий шест задвигался быстрее, выводя три длинных столбца причудливой «головастиковой» скорописи. Знаки казались неразборчивыми, однако Ванчэнь читал их без труда. Он принялся переводить небесное послание:

— Я — Великий Владыка Пути Высочайшего Нефритового Утра. Держал я путь в обитель Ланби у Западного дворца, дабы вкусить чаю и сыграть в облачные шашки со Старцем Южного Полюса. Какую заботу желает поведать мне Ванчэнь?

Ванчэнь поспешно склонился до земли и обратился к юноше:

— Молодой господин, припади к алтарю и поведай свои думы. Жди решения небожителя.

Цзя Чжу поспешил опустить на колени своё уставшее тело.

«Неужели духи и впрямь явились? — поразился он. — Прежде я считал подобные бредни обманом, но ныне глаза мои видят чудо»

Склонившись перед алтарём, он обратился к вышним силам с безмолвной мольбой, прося открыть, что сулит ему грядущее в любви и на службе.

Писчий шест вновь заскользил по песку, медленно выводя ровные строфы семисловного двустипшия. Ванчэнь заносил знаки на бумагу и тут же читал их нараспев:

— В чертогах Цзя растёт Жемчужина, что рождена идти рука об руку с Нефритом. Союз их предreshён, и чувства их будут глубоки, как океан.

Цзя Чжу похолодел от неожиданности. Эти строки ничуть не походили на те, что он заготовил заранее. Неужели его замысел рушится?

Родственники же, напротив, возликовали, сочтя стих добрым предзнаменованием будущей славной женитьбы наследника.

Оракул меж тем выводил новые письма:

— В юности ранней прельстился он грёзами ветра и луны, не зная, какие яростные бури бушуют в пучинах страсти.

Слова оракула всё дальше уходили от его заготовки, предвещая какую-то смятенную любовную долю. Тревога ледяными пальцами сжала сердце юноши.

«Постойте, это ещё что такое? — взмолился он про себя. — Пусть объявят меня проклятым, пусть сулят одинокую долю — я на всё согласен! Лишь бы не несли околесицу»

Пока он пребывал в смятении, писчий шест перешёл к третьей строфе:

— Весна сменяется осенью, вращается вечное колесо, дела людские бренны, течёт их время слишком быстро.

Эта строфа явно указывала на грядущие перемены. В ней угадывался намёк на увядание былого величия дома Цзя. Наша жизнь изменчива, и как бы Цзя Чжу ни силился переписать судьбу, не всё подвластно человеческой воле. Ему оставалось лишь делать что должно и уповать на милость Небес.

Юноша затаил дыхание. Шест выводил последнюю, самую важную строфу оракула:

— Коль жаждешь исполнить предначертанный путь, забудь о союзе брачном и шествуй по миру один.

Увидев эти слова, столь созвучные его собственным намерениям, Цзя Чжу наконец перевёл дух. Главная цель была достигнута. Юноша трижды склонился в благодарном поклоне, пряча ликование.

Ванчэнь переписал пророчество на чистый лист. Слуги отнесли один список мужчинам в главный зал, а другой передали за ширму. Стоило почтенному собранию вчитаться в строки, как покои наполнились испуганными вздохами и ропотом. Все взгляды приковал к себе последний стих: духи открыто запрещали старшему сыну жениться! Но ведь Цзя Чжу — первенец второй ветви Жунфу. Оставить его без супруги значило пресечь род!

Матушка Цзя, Цзя Чжэн и госпожа Ван побледнели от ужаса. Не в силах сдержать волнение, Цзя Чжэн бросился к алтарю и припал лбом к полу. Оракул задвигался вновь, словно снисходя к недоумению смертных:

— Сын дома Цзя рождён под сенью Звезды Бедствий, Одинокого Светила и Созвездия Разлуки. И хоть судьба его не грозит гибелью родичам, ему предначертана доля одинокого феникса. Коль понудить его к браку, недавняя беда на воде покажется лишь малым предупреждением Небес. Об этом гласит и древнее знамение:

«Коль рок уединённый отмечен благородством звёзд,

Власть обретёт рождённый, и век его продлится.

Но коль иссякнет милость, не дав дожить до седин,

Своим трудом упорным он возведёт чертог.

Помни об этом! Помни!»

Ванчэнь перенёс толкование на бумагу и передал Цзя Чжэну. Тот принял лист, лишившись дара речи. Поражённые величием знамения гости наперебой восхваляли оракул. Каждый понимал: коли сами боги наложили запрет на брак молодого барина, то пиши пропало. Кто в здравом уме решится выдать дочь за человека, рождённого под звездой вечного одиночества? Ни одна благородная девица в столице не примет от него свадебных даров.

Матушка Цзя и госпожа Ван едва сдерживали глухую ярость и отчаяние, но при гостях вынуждены были хранить ледяное молчание.

Сам же Цзя Чжу безмерно изумился тому, как точно пророчество легло на его тайные помыслы. Этот исход явно превзошёл то, о чём они сговаривались с Шао Инлинем. Но раз уж сами боги велели ему оставаться одному, он с лёгким сердцем подчинился року, мало заботясь о пересудах. В конце концов, не имей он подобной решимости, разве посмел бы в прошлой жизни выбрать путь мужской любви?

Увидев силу оракула, Линь Хай поначалу порывался спросить о судьбе Сююя, но, устранившись печальной участи Цзя Чжу, заколебался, боясь навлечь недоброе предзнаменование на собственного сына.

Пока гости шумно обсуждали услышанное, Цзя Цзин поднялся со своего места. Подойдя к алтарю, он дважды поклонился, желая узнать, суждено ли ему самому обрести бессмертие. Однако писчий шест завертелся с новой силой, оставив на песке лишь краткую надпись:

— Нежданно повстречал на полпути Старца Южного Полюса, а потому задерживаться не

стану. Прощайте!

Едва знаки проступили на песке, оракул замер. Ванчэнь зачитал послание вслух. Пока разочарованный Цзя Цзин шептал: «О небожитель, постой!», остальные гости уже поднялись на ноги, совершая прощальные поклоны, сжигая талисманы и совершая возлияние вином.

Праздные зрители остались довольны дивным зрелищем, те же, кого это касалось напрямую, погрузились в свои заботы.

После обряда Цзя Цзин устроил в саду пир для мужчин, а его супруга, госпожа Цзоу, бывшая тогда ещё в добром здравии, чествовала дам во внутренних покоях.

Изначально хозяин усадьбы намеревался накрыть отдельный постный стол в Саду Собрания Ароматов для совершивших обряд Цзя Чжу и Ванчэня, а также для Инлиня, Цзэцзиня, Линь Хая и Сююя. Однако, вспомнив, что Цзэцзинь не выносит солнечного света, он велел перенести трапезу в Терем Небесного Аромата. Принимать гостей поручили Цзя Чжэну. Окна плотно завесили бамбуковыми шторами, преграждая путь лучам, и зажгли светильники. Лишь тогда Цзэцзинь смог снять свою глубокую шляпу с вуалью.

Усевшись за стол, Цзя Чжэн первым делом выразил почтение даосу:

— Прошу, наставник, простите наше былое невежество. Мы судили о вещах поверхностно, точно лягушки на дне колодца. До сегодняшнего дня я полагал, будто призыв духов — лишь искусный обман для простофиль.

Линь Хай кивнул в знак согласия:

— Шурин говорит чистую правду. Я и сам пребывал в сомнениях. Если бы не увидел сегодня воочию, как движется оракул и как проступают письмена на песке, ни за что бы не поверил, кто бы ни пытался меня убедить.

Инлинь же с непритворным сожалением обратился к Цзя Чжу:

— Не думал я, что рок окажется столь суров. Знай мы заранее, какое предзнаменование явят духи, лучше бы и вовсе не затевали этого гадания...

Юноша поспешил его успокоить:

— Учитель, не стоит сокрушаться обо мне. Я ничуть не жалею, что доверился оракулу. Раз уж суждено пройти через это испытание, лучше узнать о нём заранее и подготовиться, нежели в слепом неведении противиться воле Небес.

Инлинь повернулся к Ванчэню:

— Наставник, неужто ваши гадания и прежде бывали столь же поразительно точны?

Даос слегка улыбнулся:

— Бедный монах редко берется за гадание по песку, но коли снисходит до этого, предсказания всегда сбываются. Несколько лет назад ко мне обратился важный чиновник второго ранга, желавший узнать о своём продвижении по службе. Оракул же исписал целый свиток, раскрыв все его грязные делишки и взятки. Несчастный от страха бился лбом о пол, точно безумный, умоляя пощадить его, покуда шест наконец не остановился.

Присутствующие лишь покачали головами, проникаясь к Ванчэню ещё большим почтением. Цзя Чжэн же спросил:

— Ваше мастерство поистине невероятно, наставник. Раз уж вам под силу призывать самих небожителей, дозвоьте узнать: можно ли хоть как-то смягчить или изменить участь моего сына?

Ванчэнь покачал головой:

— Избегу давать пустые обещания. Смертным редко удаётся переписать предначертанное роком, беды настигают их неизбежно. Однако в поднебесной нет ничего абсолютного. Вспомнить хотя бы предка великого Гэ — тот сумел преодолеть земные невзгоды и вознестись, навсегда покинув круг мирских перерождений...

Видя, что даос отвечает уклончиво, Цзя Чжэн не решился расспрашивать дальше. Сидевший подле него Линь Хай вдруг вспомнил об одном деле:

— Наставник, дозвоьте узнать, дошли ли до вас деньги на подношения для Юй-эра? Супруга сказывала, что на днях отправила слугу с серебром в Храм Чунсуй... Впрочем, вы столь заняты возвышенными делами, что вряд ли снисходите до подобных мелочей.

Однако Ванчэнь тотчас развеял его сомнения:

— Будьте покойны, почтенный господин, серебро доставлено. До чужих подношений мне дела нет, но коль скоро молодой господин Юй числится моим духовным воспитанником, я лично слежу за этим делом.

Линь Хай с облегчением вздохнул.

В голове же Цзя Чжэна от этих слов созрела дерзкая мысль. Он повернулся к даосу с мольбой:

— Наставник Ванчэнь, выслушайте мою смиренную просьбу. И коли покажется она вам дерзкой, умоляю, не гневайтесь. Сегодня вы призвали небожителей ради моего недостойного сына, став проводником воли Небес. Прозрев его удел, вы уподобились его духовному отцу. Мальчик мой до сих пор не обрёл названного родителя и не приписан ни к одной обители. Раз уж вы берёте детей под своё покровительство, не сочтите за великую наглость, если я попрошу вас принять его в названные сыновья? Быть может, хоть малая крупица вашей благодати защитит его от невзгод.

Сидящие за столом дружно поддержали эту мысль. Даже молчаливый доселе Цзэцзинь не остался в стороне:

— Старший брат, мне тоже кажется, что это пойдёт на пользу. И Чжу-эр, и Юй-эр учатся у Чэнцзо, а потому воспитаны в строгости, благоразумны и чтят приличия.

Цзя Чжу ликовал. Подобный поворот стал для него истинным подарком судьбы.

«Надо же, — подивился он про себя, — отец на сей раз проявил небывалую мудрость»

Связать себя узами духовного родства с почтенным Ванчэнем было куда лучше, чем угодить в лапы какой-нибудь корыстной ведьмы вроде безумной Ма-даопо, которая лишь тянула бы из семьи деньги на лампы, да навлекала беды. К тому же Ванчэнь пользовался великим уважением среди даосов. Случись что, одно лишь упоминание его имени избавит от множества хлопот. Да и то, что он приходится старшим братом Цзэцзиню, позволяло самому Цзя Чжу стать на шаг ближе к любимому человеку.

Ванчэнь хоть и не водил близкого знакомства с домом Цзя, но, видя искреннее поручительство Цзэцзиня и Инлиня, не стал упорствовать. Из вежливости он лишь промолвил:

— Бедный монах обделён талантами и добродетелью, достоин ли я принять столь благородного юношу в названные сыновья?

Гости принялись уговаривать его пуще прежнего, и даос наконец уступил.

Цзя Чжэн тотчас велел слугам убрать со стола остатки кушаний и подать лучший чай со свежими плодами. Ванчэня усадили на почётное место в главном зале Терема Небесного Аромата. Подведя сына, Цзя Чжэн велел ему совершить восемь земных поклонов. Цзя Чжу почтительно поднёс новому отцу чашу чая. Ванчэнь принял её, и обряд свершился. Напоследок наставник добавил, что из-за поспешности совершит всё по правилам лишь по возвращении в Храм Чунсуй: там он начертает священный оберег, вознесёт молитвы перед ликами Трёх Чистых и пришлёт грамоту в поместье.

Радости близких не было предела. Цзя Чжэн поспешил поведать о случившемся матушке Цзя и госпоже Ван. Обе женщины воспрянули духом и немедленно собрали щедрое подношение на храмовые нужды, дабы Ванчэнь затеплил в обители неугасимую лампаду за здоровье их

дорогого Чжу-эра.

<http://bllate.org/book/18221/1752954>